

По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан

Определение · № 92-О · от 27.06.2000 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по запросу группы депутатов Государственной Думы
о проверке соответствия Конституции Российской Федерации
отдельных положений конституций Республики Адыгея,
Республики Башкортостан, Республики Ингушетия,
Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания
и Республики Татарстан

город Москва 27 июня 2000 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя М.В.Баглая, судей
Н.С.Бондаря, Н.В.Витрука, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, В.Д.Зорькина,
В.О.Лучина, Т.Г.Морщаковой, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.И.Тиунова,
О.С.Хохряковой, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева,
заслушав в пленарном заседании заключение судьи В.О.Лучина, проводившего на основании статьи
41 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"
предварительное изучение запроса,

у с т а н о в и л:

1. Предметом обращения группы депутатов Государственной Думы (представлять которую поручено депутатам Г.И.Тихонову, А.Г.Чехову, Г.И.Чуркину) являются положения, содержащиеся в части 2 статьи 1, части 1 статьи 2, части 1 статьи 6, статьях 11 и 52, пунктах "д" и "м" статьи 53, статье 56, пункте "х" части 1 статьи 70, статье 75 и пункте "в" статьи 78 Конституции Республики Адыгея от 10 марта 1995 года, в преамбуле, статьях 1, 3, 5 и 10, части второй статьи 69, статьях 70 и 74 Конституции Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 года, в части второй статьи 1, части первой статьи 4, статье 7, частях первой и третьей статьи 10 Конституции Республики Ингушетия от 27 февраля 1994 года, в части второй статьи 13 и пункте 15 статьи 73 Конституции Республики Коми от 17 февраля 1994 года, в части 1 статьи 3, части 2 статьи 10, статье 36, части 1 статьи 61 Конституции Республики Северная Осетия - Алания от 12 ноября 1994 года и в статьях 1, 59, 61 и 62 Конституции Республики Татарстан от 6 ноября 1992 года (с последующими изменениями и дополнениями), - о суверенитете (государственном суверенитете) республики как субъекта Российской Федерации, о принадлежности республике высшей (т. е. верховной) власти на своей территории, о том, что народ республики является носителем суверенитета и источником (единственным источником) власти; вытекающие из принципа суверенитета положения о верховенстве, высшей юридической силе конституции республики и ее законов, о праве республики приостанавливать действие правовых актов Российской Федерации на своей территории; о договорном характере статуса республики как субъекта Российской Федерации, о договорном характере вхождения республики в состав Российской Федерации (и, следовательно, пребывания, нахождения в составе Российской Федерации), о статусе республики как субъекта международного права; положения, регулирующие отношения собственности на природные ресурсы, находящиеся на

территории республики, порядок владения, пользования и распоряжения ими.

Вопросы, урегулированные оспариваемыми положениями, ранее рассматривались Конституционным Судом Российской Федерации в деле о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года "Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР", Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года "О референдуме Татарской ССР", постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года "О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан", в деле о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации и в деле о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации".

2. Заявители просят проверить, соответствуют ли Конституции Российской Федерации следующие положения:

положения Конституции Республики Адыгея, согласно которым суверенитет Республики Адыгея определяется Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Адыгея и Федеративным договором (часть 2 статьи 1); вся власть в Республике Адыгея принадлежит ее многонациональному народу; носителем суверенитета и источником государственной власти в Республике является народ (часть 1 статьи 2);

положения Конституции Республики Башкортостан, согласно которым Конституция Республики Башкортостан принята на основе Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан (преамбула); Республика Башкортостан есть суверенное демократическое правовое государство; Республика Башкортостан обладает высшей властью на своей территории, самостоятельно определяет и проводит внутреннюю и внешнюю политику, принимает Конституцию Республики Башкортостан и республиканские законы, имеющие верховенство на всей ее территории (статья 1); носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Республике Башкортостан является ее многонациональный народ (часть первая статьи 3); государственный суверенитет Республики Башкортостан есть ее неотъемлемое качественное состояние и распространяется на всю ее территорию в пределах существующих границ (часть вторая статьи 69); отношения Республики Башкортостан с Российской Федерацией являются договорными; входя в состав Российской Федерации на договорной и равноправной основе, Республика Башкортостан сохраняет за собой всю полноту государственной власти на всей территории республики вне пределов прав, добровольно переданных ею Российской Федерации (статья 70);

положения Конституции Республики Ингушетия, согласно которым Республика Ингушетия строит свои отношения с Российской Федерацией на основе договора между Российской Федерацией и суверенной Республикой Ингушетия (часть вторая статьи 1); носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Ингушетия является ее многонациональный народ (часть первая статьи 4); законы и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления Российской Федерации правомерны на территории Республики Ингушетия, если они не противоречат суверенным правам Республики Ингушетия (часть вторая статьи 7);

положения Конституции Республики Северная Осетия - Алания, согласно которым носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Северная Осетия - Алания является ее народ (часть 1 статьи 3); Республика Северная Осетия - Алания - суверенное государство, добровольно входящее в состав Российской Федерации (часть 1 статьи 61);

положения Конституции Республики Татарстан, согласно которым Республика Татарстан - суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики; суверенитет и полномочия государства исходят от народа; государственный

суверенитет есть неотъемлемое качественное состояние Республики Татарстан (статья 1); Республика Татарстан самостоятельно определяет свой государственно-правовой статус, решает вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства (статья 59); Республика Татарстан - суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией - Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения (статья 61).

2.1. Положения о суверенитете (государственном суверенитете) республики как субъекта Российской Федерации во взаимосвязи с положениями о народе республики как носителе этого суверенитета и единственном источнике власти в республике уже были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Постановлением от 13 марта 1992 года по делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года "Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР", Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года "О референдуме Татарской ССР", постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года "О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан" положение о государственном суверенитете Республики Татарстан было признано неконституционным; при этом Конституционный Суд Российской Федерации указал, что международное право не допускает использование ссылок на принцип самоопределения для подрыва территориальной целостности и единства суверенного государства и национального единства.

В постановлении от 7 июня 2000 года по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации изложил следующую правовую позицию.

Суверенитет Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, распространяющийся на всю ее территорию, закреплен Конституцией Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя (статья 4, часть 1). Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, согласно Конституции Российской Федерации, является ее многонациональный народ (статья 3, часть 1), который, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов и возрождая суверенную государственность России, принял Конституцию Российской Федерации (преамбула).

Суверенитет, предполагающий, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус. Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т. е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации.

Содержащееся в Конституции Российской Федерации решение вопроса о суверенитете предопределяет характер федеративного устройства, исторически обусловленного тем, что субъекты Российской Федерации не обладают суверенитетом, который изначально принадлежит

Российской Федерации в целом. По смыслу преамбулы, статей 3, 4, 5, 15 (часть 1), 65 (часть 1), 66 и 71 (пункт "б") Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи, республики как субъекты Российской Федерации не имеют статуса суверенного государства и решить этот вопрос иначе в своих конституциях они не могут, а потому не вправе наделить себя свойствами суверенного государства - даже при условии, что их суверенитет признавался бы ограниченным.

Конституция Российской Федерации, определяя в статье 5 (части 1 и 4) статус перечисленных в статье 65 (часть 1) республик как субъектов Российской Федерации, исходит из относящегося к основам конституционного строя Российской Федерации и, следовательно, к основам конституционного строя республик принципа равноправия всех субъектов Российской Федерации, в том числе в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Признание же за республиками суверенитета, при том что все другие субъекты Российской Федерации им не обладают, нарушило бы конституционное равноправие субъектов Российской Федерации, сделало бы невозможным его осуществление в принципе, поскольку субъект Российской Федерации, не обладающий суверенитетом, по своему статусу не может быть равноправным с суверенным государством.

Следовательно, использование в статье 5 (часть 2) Конституции Российской Федерации применительно к установленному ею федеративному устройству понятия "республика (государство)" не означает - в отличие от Федеративного договора от 31 марта 1992 года - признание государственного суверенитета этих субъектов Российской Федерации, а лишь отражает определенные особенности их конституционно-правового статуса, связанные с факторами исторического, национального и иного характера.

Признание Конституцией Российской Федерации суверенитета только за Российской Федерацией воплощено также в конституционных принципах государственной целостности и единства системы государственной власти (статья 5, часть 3), верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов, которые имеют прямое действие и применяются на всей территории Российской Федерации, включающей в себя территории ее субъектов (статья 4, часть 2; статья 15, часть 1, и статья 67, часть 1).

Исходя из этих конституционных принципов все правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, в том числе конституции республик, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Законы же и другие правовые акты, действовавшие на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции Российской Федерации, подлежат применению лишь в части, ей не противоречащей, что прямо предусмотрено пунктом 2 раздела второго "Заключительные и переходные положения". Пунктом 1 того же раздела закреплён также приоритет положений Конституции Российской Федерации перед положениями Федеративного договора - Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти суверенных республик в составе Российской Федерации, Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти краёв, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации, Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации.

Приоритет положений Конституции Российской Федерации имеет место при определении как статуса субъектов Российской Федерации, так и предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти её субъектов. Следовательно, содержащееся в статье 11 (часть 3) Конституции Российской Федерации положение о том, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти её субъектов осуществляется на основе

Конституции Российской Федерации, Федеративного и иных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, предполагает, что все указанные договоры должны соответствовать Конституции Российской Федерации, и потому любое допускаявшееся ими ограничение либо разделение суверенитета Российской Федерации исключается.

Как следует из преамбулы, статьи 3 (часть 3) и пункта 1 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации, принятая всенародным голосованием Конституция Российской Федерации как таковая является актом высшего непосредственного выражения власти многонационального российского народа в целом. Поэтому положения Федеративного договора, предусматривавшие суверенитет республик и позволявшие тем самым обосновывать ограничения суверенитета Российской Федерации, ее конституционно-правового статуса и полномочий, что нашло отражение в конституциях ряда республик, не могут действовать и не подлежат применению как противоречащие Конституции Российской Федерации.

Данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации сохраняет свою силу.

2.2. Постановлением от 7 июня 2000 года положения Конституции Республики Алтай о суверенитете республики, взаимосвязанные с положениями о народе республики как носителе этого суверенитета и единственном источнике государственной власти в республике, признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5), 71 (пункт "б").

Оспариваемые положения Конституции Республики Адыгея (часть 2 статьи 1, часть 1 статьи 2), Конституции Республики Башкортостан (преамбула, статья 1, часть первая статьи 3, часть вторая статьи 69, статья 70), Конституции Республики Ингушетия (часть вторая статьи 1, часть первая статьи 4, часть вторая статьи 7), Конституции Республики Северная Осетия - Алания (часть 1 статьи 3, часть 1 статьи 61) и Конституции Республики Татарстан (статьи 1, 59 и 61), закрепляющие суверенитет (государственный суверенитет) республики как субъекта Российской Федерации, принадлежность республике высшей (т. е. верховной) власти на своей территории, а также положения о том, что народ республики является носителем суверенитета и источником (единственным источником) власти в республике, поскольку этим исключается, что таким источником является многонациональный народ Российской Федерации, - по своей сути являются такими же положениями, какие постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 1992 года и от 7 июня 2000 года уже были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, и следовательно, они также являются не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5) и 71 (пункт "б").

3. В запросе оспаривается также конституционность основанных на принципе суверенитета положений, а именно:

положений Конституции Республики Адыгея, согласно которым Конституция Республики Адыгея имеет прямое действие на территории Республики и обладает высшей юридической силой, за исключением вопросов, добровольно переданных ею в ведение Российской Федерации, а также вопросов, относящихся к совместному ведению Российской Федерации и Республики Адыгея в соответствии с Федеративным договором и Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 6); Республика Адыгея добровольно входит в состав Российской Федерации и строит с ней отношения на основе Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Адыгея, Федеративного договора и соглашений (статья 52); законы Республики Адыгея по вопросам, отнесенным к ее ведению, обладают верховенством на ее территории; Республика Адыгея вправе приостановить на своей территории действие законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации до решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они изданы вне пределов ведения Российской Федерации или ее совместного ведения с Республикой Адыгея и противоречат Конституции Республики Адыгея и Конституции Российской Федерации, нарушают Федеративный договор (статья 56);

положения Конституции Республики Башкортостан, согласно которым Конституция Республики Башкортостан и республиканские законы имеют верховенство на всей ее территории (статья 1); государственная власть в Республике Башкортостан осуществляется в соответствии с Конституцией Республики Башкортостан и принятым на ее основе законодательством (часть вторая статьи 3); Республика Башкортостан является самостоятельным субъектом обновленной Российской Федерации; Республика Башкортостан входит в состав Российской Федерации на добровольной и равноправной основе; отношения Республики Башкортостан и Российской Федерации определяются Договором об основах межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Башкортостан, другими двусторонними договорами и соглашениями (статья 5); положения Конституции Республики Ингушетия, согласно которым Конституция Республики Ингушетия имеет высшую юридическую силу, а ее нормы - прямое действие на всей территории Республики Ингушетия; законы и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления Российской Федерации правомерны на территории Республики Ингушетия, если они не противоречат суверенным правам Республики Ингушетия (статья 7); положение Конституции Республики Коми, согласно которому Государственный Совет Республики Коми приостанавливает действие на территории Республики Коми законов и (или) иных нормативных правовых актов Российской Федерации, ущемляющих интересы Республики Коми, с одновременным обращением в Конституционный Суд Российской Федерации (пункт 15 статьи 73); положение Конституции Республики Северная Осетия - Алания, согласно которому Республика Северная Осетия - Алания - суверенное государство, добровольно входящее в состав Российской Федерации (часть 1 статьи 61); положение Конституции Республики Татарстан, согласно которому законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан (статья 59).

Кроме того, в запросе оспаривается конституционность положений, которыми республике, как суверенному государству, придается статус субъекта международного права, а именно: положений Конституции Республики Адыгея, согласно которым Республика Адыгея, входя в мировое сообщество, вправе выступать самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей, соглашений с другими государствами (статья 11), представлять в международных организациях (пункт "д" статьи 53), устанавливать принципы и основы внутренней и внешней политики (пункт "х" части 1 статьи 70), заключать межгосударственные договоры с иностранными государствами (пункт "в" статьи 78); Президент Республики Адыгея выступает гарантом принятых ею международных обязательств и представляет ее в международных отношениях (статья 75); положений Конституции Республики Башкортостан, согласно которым Республика Башкортостан является самостоятельным участником международных и внешнеэкономических отношений и связей, кроме тех, которые добровольно переданы по Договору в ведение Российской Федерации; Республика Башкортостан вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры и обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами; участвует в деятельности международных организаций (статья 74); положений Конституции Республики Татарстан, согласно которым Республика Татарстан в качестве суверенного государства, субъекта международного права, ассоциированного с Российской Федерацией - Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами, участвует в деятельности международных организаций, руководствуясь принципами международного права (статьи 61 и 62).

3.1. Названные положения, устанавливающие конституционно-правовой статус республики,

предметы ее ведения и полномочия, по своей сути основаны на принципе суверенитета республики, являются его логическим следствием, конкретизируют закрепляющие этот принцип положения и находятся с ними в нормативном системном единстве.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 7 июня 2000 года, наличие в конституции республики таких положений, по существу, означает "отрицание права многонационального народа России конституировать статус республик как субъектов Российской Федерации, которое вытекает из статей 3, 4, 5 и 66 (часть 1) Конституции Российской Федерации и не допускает изменения статуса республики ее конституцией, и является нарушением относящегося к основам конституционного строя Российской Федерации принципа верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов, которые имеют прямое действие и применяются на всей территории Российской Федерации, включающей в себя территории ее субъектов (статья 4, часть 2; статья 15, часть 1, и статья 67, часть 1)".

Из этого следует, что принцип верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов как выражение суверенитета Российской Федерации, распространяющегося на всю ее территорию, означает, в частности, что субъект Российской Федерации не может изменять установленные Конституцией Российской Федерации приоритеты действия законов и иных федеральных нормативных правовых актов, ограничивать их применение, приостанавливать их действие, вводить какие-либо связанные с действием этих актов процедуры и механизмы разрешения коллизий, правовых споров, не предусмотренные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Статья 66 (часть 5) Конституции Российской Федерации предусматривает, что статус субъекта Российской Федерации может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и ее субъекта в соответствии с федеральным конституционным законом. Однако, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, "из этого не следует, что он не устанавливается самой Конституцией Российской Федерации: именно Конституция Российской Федерации является актом, определяющим такой статус, а любое соглашение Российской Федерации и ее субъекта (т. е. между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов), а также федеральный конституционный закон по своей юридической силе не могут быть выше Конституции Российской Федерации, что вытекает из ее статей 4, 5 и 15, а также пункта 1 раздела второго "Заключительные и переходные положения".

В соответствии с правовой позицией, выраженной в постановлении от 7 июня 2000 года, закрепление в конституции республики принципа суверенитета и установление вытекающих из этого принципа конституционно-правового статуса республики, предметов ее ведения и полномочий означает, что "суверенитет самой Российской Федерации, ее конституционно-правовой статус, федеративное устройство и полномочия, по существу, рассматриваются республикой как производные от суверенитета, провозглашаемого тем или иным субъектом Российской Федерации. Однако это нельзя признать допустимым, поскольку тем самым ограничивались бы суверенитет Российской Федерации, верховенство Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации и создавалась бы возможность одностороннего изменения республикой установленных Конституцией Российской Федерации федеративного устройства, принципа равноправия республик с иными субъектами Российской Федерации, разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов".

Как указано в постановлении от 7 июня 2000 года, "Конституция Российской Федерации связывает суверенитет Российской Федерации, ее конституционно-правовой статус и полномочия, а также конституционно-правовой статус и полномочия республик не с их волеизъявлением в порядке договора, а с волеизъявлением многонационального русского народа - носителя и единственного источника власти в Российской Федерации, который, реализуя принцип равноправия и

самоопределения народов, конституировал возрожденную суверенную государственность России как исторически сложившееся государственное единство в его настоящем федеративном устройстве".

Отсюда следует, что признание неконституционными положений о суверенитете республик влечет за собой и вывод о неконституционности положений о договорном характере статуса республик как субъектов в составе Российской Федерации, поскольку такой характер статуса обусловлен волеизъявлением республик как одним из проявлений их суверенитета и возможен только на договорных началах, основанных на равенстве сторон.

Отсутствие у субъектов Российской Федерации, в том числе у республик, суверенитета подтверждается и положениями статей 15 (часть 4) и 79 Конституции Российской Федерации, из которых вытекает, что только Российская Федерация вправе заключать международные договоры, приоритет которых признается в ее правовой системе, и только Российская Федерация как суверенное государство может передавать межгосударственным объединениям свои полномочия в соответствии с международным договором. Следовательно, республика не может быть субъектом международного права в качестве суверенного государства и участником соответствующих межгосударственных отношений, не может заключать договоры международно-правового характера.

Ранее аналогичная правовая позиция, сохраняющая свою силу, была выражена Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 13 марта 1992 года: провозглашенное в нормативных правовых актах Республики Татарстан положение о том, что Республика Татарстан является субъектом международного права и строит свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров, признано неконституционным, поскольку такое положение, по существу, означает, что Республика Татарстан не состоит в Российской Федерации, и потому несовместимо с конституционно-правовым статусом Республики Татарстан как субъекта в составе Российской Федерации.

3.2. Признанием принципа суверенитета республики не соответствующим Конституции Российской Федерации предопределяется и вывод о неконституционности положений, закрепляющих конституционно-правовой статус республики, предметы ведения и полномочия, которые непосредственно основаны на этом принципе, конкретизируют его, наполняют его определенным содержанием, в результате - составляют с ним единое системное целое, чем усугубляется негативное, неконституционное значение положений о суверенитете республик.

Таким образом, непосредственно вытекающие из принципа суверенитета положения Конституции Республики Адыгея (часть 1 статьи 6, статьи 11 и 52, пункт "д" статьи 53, статья 56, пункт "х" части 1 статьи 70, статья 75, пункт "в" статьи 78), Конституции Республики Башкортостан (часть вторая статьи 1, часть вторая статьи 3, статьи 5 и 74), Конституции Республики Ингушетия (статья 7), Конституции Республики Коми (пункт 15 статьи 73), Конституции Республики Северная Осетия - Алания (часть 1 статьи 61) и Конституции Республики Татарстан (статьи 59, 61 и 62) - о верховенстве, высшей юридической силе конституции республики и ее законов, о праве республики приостанавливать действие правовых актов Российской Федерации на территории республики, о договорном характере статуса республики в составе Российской Федерации, о договорном характере вхождения (и, следовательно, пребывания, нахождения) республики в состав Российской Федерации, о статусе республики как субъекта международного права - по своей сути являются такими же, какие ранее уже были признаны Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, и следовательно, эти положения также являются не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5), 71 (пункт "б").

3.3. Из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года и настоящего Определения следует, что выводом о несоответствии Конституции Российской

Федерации положений, закрепляющих и конкретизирующих принцип суверенитета республик, не затрагивается принадлежность республике всей полноты государственной власти, которой она - в силу статей 5 (часть 3), 73 и 76 (часть 4) Конституции Российской Федерации - обладает вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов; равным образом не затрагивается и высшая юридическая сила конституции республики по вопросам, которые в силу статьи 73 Конституции Российской Федерации относятся к ее ведению как субъекта Российской Федерации. При этом, по смыслу статей 3, 4, 5, 11, 71, 72, 73 и 76 Конституции Российской Федерации, наделение республики всей полнотой государственной власти вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, а также признание высшей юридической силы конституции республики по вопросам ее ведения как субъекта Российской Федерации, не означает, что республика тем самым признается суверенным государством, поскольку и то и другое проистекает не из суверенного волеизъявления республик, выраженного в их конституциях либо договоре, а из Конституции Российской Федерации как высшего нормативно-правового акта суверенной власти всего многонационального народа России.

Вместе с тем республика, как следует из статей 72 (пункт "о" части 1) и 76 (часть 2) Конституции Российской Федерации, может осуществлять международные и внешнеэкономические связи при условии, что они не затрагивают предусмотренные ее статьей 71 (пункты "к", "л", "м", "н") полномочия и прерогативы Российской Федерации как суверенного государства и что координация таких связей определяется федеральным законом и принимаемыми на его основе законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации. Исходя из этого, Федеральным законом от 4 января 1999 года "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации" установлено, что субъекты Российской Федерации обладают правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также на участие в деятельности международных организаций в рамках органов, созданных специально для этой цели.

4. Заявители просят также проверить, соответствуют ли Конституции Российской Федерации следующие положения:

положение Конституции Республики Адыгея, согласно которому в ведении Республики Адыгея находится установление отношений собственности на природные ресурсы (пункт "м" статьи 53); положение Конституции Республики Башкортостан, согласно которому земля, недра, природные богатства, другие ресурсы на территории Республики Башкортостан являются достоянием (собственностью) ее многонационального народа (часть первая статьи 10); положение Конституции Республики Ингушетия, согласно которому земля, ее недра, другие природные ресурсы на территории Республики Ингушетия являются ее собственностью (часть первая статьи 10).

Кроме того, в запросе оспариваются положение Конституции Республики Адыгея, согласно которому в ведении Республики Адыгея находятся установление порядка владения, пользования и распоряжения землей, недрами, лесами и водами, охрана окружающей среды (пункт "м" статьи 53); положения Конституции Республики Башкортостан, согласно которым вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, природными богатствами, другими ресурсами регулируются законодательством Республики Башкортостан; соглашения с федеральными органами власти Российской Федерации по этим вопросам заключаются на добровольной основе (части вторая и третья статьи 10);

положение Конституции Республики Ингушетия, согласно которому земельные отношения в Ингушетии регулируются республиканским законодательством (часть третья статьи 10);

положение Конституции Республики Коми, согласно которому земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иной формах собственности в порядке и на условиях, предусмотренных законами Республики Коми (часть вторая статьи 13); положения Конституции Республики Северная Осетия - Алания, согласно которым земля и другие природные ресурсы могут находиться в государственной, муниципальной, коллективной и иных формах собственности в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством Республики Северная Осетия - Алания (часть 2 статьи 10); граждане и их объединения вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей, ее недрами и другими природными ресурсами в соответствии с законом Республики Северная Осетия - Алания (статья 36).

4.1. Вопросы собственности на землю и другие природные ресурсы в Российской Федерации, порядка ее разграничения и регулирования уже исследовались Конституционным Судом Российской Федерации. В постановлениях от 9 января 1998 года по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации и от 7 июня 2000 года по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации выразил следующую правовую позицию.

В соответствии со статьей 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (часть 1); земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (часть 2). Согласно статье 36 Конституции Российской Федерации граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю (часть 1); владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (часть 2); условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона (часть 3).

Из приведенных конституционных норм следует, что народам, проживающим на территории того или иного субъекта Российской Федерации, должны быть гарантированы охрана и использование земли и других природных ресурсов как основы их жизни и деятельности, т. е. как естественного богатства, ценности (достояния) всенародного значения. Поэтому с Российской Федерации и ее субъектов не снимается вытекающая из статьи 9 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 71 и 72 обязанность по охране и обеспечению использования земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях. Однако это не может означать, что право собственности на природные ресурсы принадлежит субъектам Российской Федерации. Конституция Российской Федерации не предопределяет обязательной передачи всех природных ресурсов в собственность субъектов Российской Федерации и не предоставляет им полномочий по разграничению собственности на эти ресурсы.

Конституция Российской Федерации относит вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, разграничение государственной собственности, лесное законодательство к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункты "в", "г", "д", "к" части 1); по предметам совместного ведения принимаются федеральные законы, на основе которых может также осуществляться разграничение полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, при этом законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, принятые по предметам совместного ведения, не могут противоречить соответствующим федеральным законам (статья 76, части 2 и 5).

В частности, лесной фонд ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения устойчивого развития и рационального

использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов, представляет собой публичное достояние многонационального народа России, как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим; осуществляемые же в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов как сфере совместного ведения полномочия Российской Федерации и ее субъектов распределены Лесным кодексом Российской Федерации на основе положений статей 72 (пункты "в", "г", "д", "к" части 1) Конституции Российской Федерации таким образом, чтобы при принятии соответствующих решений обеспечивались учет и согласование интересов Российской Федерации и ее субъектов, в том числе по вопросам разграничения государственной собственности. Сходные правовые режимы установлены в отношении других природных ресурсов Законом Российской Федерации от 21 февраля 1992 года "О недрах" (с изменениями и дополнениями, внесенными Федеральными законами от 3 марта 1995 года, от 10 февраля 1999 года и от 2 января 2000 года) и Федеральным законом от 24 апреля 1995 года "О животном мире".

Следовательно, субъект Российской Федерации не вправе объявить своим достоянием (собственностью) природные ресурсы на своей территории и осуществлять такое регулирование отношений собственности на природные ресурсы, которое ограничивает их использование в интересах всех народов Российской Федерации, поскольку этим нарушается суверенитет Российской Федерации.

Наличие в конституции республики наряду с положениями о суверенитете положений о том, что природные ресурсы находятся в собственности республики, и о том, что порядок владения, пользования и распоряжения природными ресурсами устанавливается законами республики, означает, что все природные ресурсы, в том числе земля, недра, леса, растительный и животный мир, водные ресурсы, на территории соответствующей республики объявлены достоянием (собственностью) именно республики, которая, провозглашая себя суверенным государством, полагает, что она вправе определять, находятся ли природные ресурсы в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности, основания и пределы права на которую устанавливаются законами республики.

Тем самым закрепляется, что республике изначально принадлежит право собственности на все природные богатства на ее территории, а право на разграничение собственности в отношении природных ресурсов и право на установление других, кроме государственной, форм собственности на них рассматриваются как производные от права республики в качестве собственника.

По существу, такие положения воспроизводят пункт 3 статьи III Федеративного договора - Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти суверенных республик в составе Российской Федерации, которым было предусмотрено, что земля и ее недра, воды, растительный и животный мир являются достоянием (собственностью) народов, проживающих на территории соответствующих республик, и что статус федеральных природных ресурсов определяется по взаимной договоренности федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти республик в составе Российской Федерации.

Между тем с принятием Конституции Российской Федерации указанные положения Федеративного договора и основанные на них соглашения могут применяться лишь с учетом требований Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 4 (часть 2) и 15 (часть 1), а также части четвертой пункта 1 раздела второго "Заключительные и переходные положения", закрепляющих высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации. Это означает, что право собственности на природные ресурсы, как и ее разграничение должны устанавливаться в соответствии со статьями 9, 11 (часть 3), 36, 72 (пункты "в", "г", "д", "к" части 1) и 76 (части 2 и 5) Конституции Российской Федерации, имеющими верховенство, высшую юридическую силу, прямое действие и применяющимися на всей территории Российской Федерации, а не на основе

Федеративного договора, в котором данный вопрос решен по-иному.

Данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации сохраняет свою силу.

4.2. Исходя из изложенной правовой позиции, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 7 июня 2000 года признал положение Конституции Республики Алтай о том, что земля, недра, леса, растительный и животный мир, водные и другие природные ресурсы являются достоянием (собственностью) республики, как допускающие признание за республикой права собственности на все природные ресурсы, находящиеся на ее территории, ограничивает суверенитет Российской Федерации и нарушает установленное Конституцией Российской Федерации разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов и потому не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 4 (части 1 и 2), 9, 15 (часть 1), 36, 72 (пункты "в", "г" части 1) и 76 (части 2 и 5).

По сути такие же положения Конституции Республики Адыгея (пункт "м" статьи 53), Конституции Республики Башкортостан (часть первая статьи 10) и Конституции Республики Ингушетия (часть первая статьи 10), закрепляющие собственность республики на природные ресурсы, равно как и положения, относящие к ведению республики (а не к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов) установление отношений собственности на природные ресурсы, также ограничивают суверенитет Российской Федерации и нарушают установленное Конституцией Российской Федерации разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов (статья 4, части 1 и 2; статья 9; статья 15, часть 1; статья 36; статья 72, пункты "в", "г" части 1; статья 76, части 2 и 5). Кроме того, из изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года правовой позиции, в соответствии с которой недопустимо отнесение к ведению республики как субъекта Российской Федерации земельного законодательства, вопросов владения, пользования и распоряжения природными ресурсами, а также охраны окружающей среды, следует, что положения Конституции Республики Адыгея (пункт "м" статьи 53), Конституции Республики Башкортостан (части вторая и третья статьи 10), Конституции Республики Ингушетия (часть третья статьи 10), Конституции Республики Коми (часть вторая статьи 13), Конституции Республики Северная Осетия - Алания (часть 2 статьи 10 и статья 36) о том, что порядок владения, пользования и распоряжения природными ресурсами устанавливается законами республики, нарушают Конституцию Российской Федерации, ее статью 72 (пункты "в", "д", "к" части 1), относящую регулирование этих вопросов не к ведению республики, а к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, а также положения статьи 76 (части 2 и 5) о том, что по предметам совместного ведения принимаются федеральные законы, на основе которых может также осуществляться разграничение полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, а законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации, принятые по предметам совместного ведения, не могут противоречить соответствующим федеральным законам.

5. Таким образом, оспариваемые в запросе положения Конституции Республики Адыгея, Конституции Республики Башкортостан, Конституции Республики Ингушетия, Конституции Республики Коми, Конституции Республики Северная Осетия - Алания и Конституции Республики Татарстан по сути являются такими же, как положения, признанные в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 1992 года, от 9 января 1998 года и от 7 июня 2000 года не соответствующими Конституции Российской Федерации.

По смыслу статьи 125 (пункт "б" части 2 и часть 6) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений пункта 3 части первой статьи 43, частей второй и третьей статьи 79, статей 85 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" в их взаимосвязи, Конституционный Суд Российской Федерации, придя к выводу о том, что в обращении оспариваются такие же нормативные положения, какие ранее были признаны им не

соответствующими Конституции Российской Федерации, своим решением в форме определения подтверждает, что эти положения также являются не соответствующими Конституции Российской Федерации и как таковые не могут иметь юридической силы, а потому дальнейшее производство по запросу прекращает.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 15 (части 1, 2 и 3), 72 (пункт "а" части 1), 76 и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации, а также статьей 6, пунктом 3 части первой статьи 43, частями первой и четвертой статьи 71, частями первой, второй и третьей статьи 79 и частью второй статьи 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Положения Конституции Республики Адыгея, согласно которым суверенитет Республики Адыгея определяется Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Адыгея и Федеративным договором (часть 2 статьи 1); вся власть в Республике Адыгея принадлежит ее многонациональному народу; носителем суверенитета и источником государственной власти в Республике является народ (часть 1 статьи 2);

положения Конституции Республики Башкортостан, согласно которым Конституция Республики Башкортостан принята на основе Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан (преамбула); Республика Башкортостан есть суверенное демократическое правовое государство; Республика Башкортостан обладает высшей властью на своей территории, самостоятельно определяет и проводит внутреннюю и внешнюю политику, принимает Конституцию Республики Башкортостан и республиканские законы, имеющие верховенство на всей ее территории (статья 1); носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Республике Башкортостан является ее многонациональный народ (часть первая статьи 3); государственный суверенитет Республики Башкортостан есть ее неотъемлемое качественное состояние и распространяется на всю ее территорию в пределах существующих границ (часть вторая статьи 69); отношения Республики Башкортостан с Российской Федерацией являются договорными; входя в состав Российской Федерации на договорной и равноправной основе, Республика Башкортостан сохраняет за собой всю полноту государственной власти на всей территории республики вне пределов прав, добровольно переданных ею Российской Федерации (статья 70);

положения Конституции Республики Ингушетия, согласно которым Республика Ингушетия строит свои отношения с Российской Федерацией на основе договора между Российской Федерацией и суверенной Республикой Ингушетия (часть вторая статьи 1); носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Ингушетия является ее многонациональный народ (часть первая статьи 4); законы и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления Российской Федерации правомерны на территории Республики Ингушетия, если они не противоречат суверенным правам Республики Ингушетия (часть вторая статьи 7);

положения Конституции Республики Северная Осетия - Алания, согласно которым носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Северная Осетия - Алания является ее народ (часть 1 статьи 3); Республика Северная Осетия - Алания - суверенное государство, добровольно входящее в состав Российской Федерации (часть 1 статьи 61);

положения Конституции Республики Татарстан, согласно которым Республика Татарстан - суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики; суверенитет и полномочия государства исходят от народа; государственный суверенитет есть неотъемлемое качественное состояние Республики Татарстан (статья 1);

Республика Татарстан самостоятельно определяет свой государственно-правовой статус, решает вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства (статья 59);

Республика Татарстан - суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с

Российской Федерацией - Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения (статья 61), поскольку названные положения закрепляют суверенитет (государственный суверенитет) республики, принадлежность республике высшей (т. е. верховной) власти на своей территории, а также, устанавливая, что народ республики является носителем суверенитета и источником (единственным источником) власти в республике, исключают тем самым, что таким источником является многонациональный народ Российской Федерации, утрачивают силу и не подлежат применению судами, другими органами и должностными лицами как не соответствующие Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5), 71 (пункт "б").

2. Положения Конституции Республики Адыгея, согласно которым Конституция Республики Адыгея имеет прямое действие на территории Республики и обладает высшей юридической силой, за исключением вопросов, добровольно переданных ею в ведение Российской Федерации, а также вопросов, относящихся к совместному ведению Российской Федерации и Республики Адыгея в соответствии с Федеративным договором и Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 6); Республика Адыгея добровольно входит в состав Российской Федерации и строит с ней отношения на основе Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Адыгея, Федеративного договора и соглашений (статья 52); законы Республики Адыгея по вопросам, отнесенным к ее ведению, обладают верховенством на ее территории; Республика Адыгея вправе приостановить на своей территории действие законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации до решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они изданы вне пределов ведения Российской Федерации или ее совместного ведения с Республикой Адыгея и противоречат Конституции Республики Адыгея и Конституции Российской Федерации, нарушают Федеративный договор (статья 56);

положения Конституции Республики Башкортостан согласно которым Конституция Республики Башкортостан и республиканские законы имеют верховенство на всей ее территории (часть вторая статьи 1); государственная власть в Республике Башкортостан осуществляется в соответствии с Конституцией Республики Башкортостан и принятым на ее основе законодательством (часть вторая статьи 3); Республика Башкортостан является самостоятельным субъектом обновленной Российской Федерации; Республика Башкортостан входит в состав Российской Федерации на добровольной и равноправной основе; отношения Республики Башкортостан и Российской Федерации определяются Договором об основах межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Башкортостан, другими двусторонними договорами и соглашениями (статья 5);

положения Конституции Республики Ингушетия, согласно которым Конституция Республики Ингушетия имеет высшую юридическую силу, а ее нормы - прямое действие на всей территории Республики Ингушетия; законы и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления Российской Федерации правомерны на территории Республики Ингушетия, если они не противоречат суверенным правам Республики Ингушетия (статья 7);

положение Конституции Республики Коми, согласно которому Государственный Совет Республики Коми приостанавливает действие на территории Республики Коми законов и (или) иных нормативных правовых актов Российской Федерации, ущемляющих интересы Республики Коми, с одновременным обращением в Конституционный Суд Российской Федерации (пункт 15 статьи 73);

положение Конституции Республики Северная Осетия - Алания, согласно которому Республика Северная Осетия - Алания - суверенное государство, добровольно входящее в состав Российской Федерации (часть 1 статьи 61);

положение Конституции Республики Татарстан, согласно которому законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан (статья 59),

поскольку названные положения, закрепляя верховенство, высшую юридическую силу конституции республики и ее законов, право республики приостанавливать действие правовых актов Российской Федерации на территории республики и предусматривая договорный характер статуса республики как субъекта в составе Российской Федерации, непосредственно основаны на положении о суверенитете республики, из него вытекают и его конкретизируют, утрачивают силу и не подлежат применению судами, другими органами и должностными лицами, как не соответствующие Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5) и 71 (пункт "б").

3. Положения Конституции Республики Адыгея, согласно которым Республика Адыгея, входя в мировое сообщество, вправе выступать самостоятельным участником международных и экономических связей, соглашений с другими государствами (статья 11), представлять в международных организациях (пункт "д" статьи 53), заключать межгосударственные договоры с иностранными государствами (пункт "х" части 1 статьи 70); Президент Республики Адыгея выступает гарантом принятых ею международных обязательств и представляет ее в международных отношениях (статья 75 и пункт "в" статьи 78);

положения Конституции Республики Башкортостан, согласно которым Республика Башкортостан является самостоятельным участником международных и внешнеэкономических отношений и связей, кроме тех, которые добровольно переданы по Договору в ведение Российской Федерации; Республика Башкортостан вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры и обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами; участвует в деятельности международных организаций (статья 74);

положения Конституции Республики Татарстан, согласно которым Республика Татарстан в качестве суверенного государства, субъекта международного права, ассоциированного с Российской Федерацией - Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения, вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами, участвует в деятельности международных организаций, руководствуясь принципами международного права (статьи 61 и 62),

поскольку названные положения придают республике статус субъекта международного права в качестве суверенного государства и непосредственно основаны на положении о суверенитете республики, из него вытекают и его конкретизируют, утрачивают силу и не подлежат применению судами, другими органами и должностными лицами, как не соответствующие Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5) и 71 (пункт "б").

Этим не затрагивается право республик в соответствии со статьями 72 (пункт "о" части 1) и 76 (часть 2) Конституции Российской Федерации осуществлять международные и внешнеэкономические связи, при условии, что такие связи не затрагивают полномочия и прерогативы Российской Федерации как суверенного государства, предусмотренные статьей 71 (пункты "к", "л", "м", "н"), и что их координация определяется федеральным законом и принимаемыми на его основе законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации.

4. Признанием указанных в пунктах 1, 2 и 3 резолютивной части настоящего Определения положений утрачивающими силу и не подлежащими применению не затрагивается принадлежность республике всей полноты государственной власти, которой она - в силу статей 5 (часть 3), 73 и 76 (часть 4) Конституции Российской Федерации - обладает вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; равным образом не затрагивается и высшая юридическая сила конституции республики по вопросам, которые в силу статьи 73 Конституции Российской Федерации относятся к ведению субъектов Российской Федерации.

Этим не затрагивается также право республик в соответствии со статьями 72 (пункт "о" части 1) и 76

(часть 2) Конституции Российской Федерации осуществлять международные и внешнеэкономические связи, при условии, что такие связи не вторгаются в полномочия и прерогативы Российской Федерации как суверенного государства, предусмотренные статьей 71 (пункты "к", "л", "м", "н"), и что их координация определяется федеральным законом и принимаемыми на его основе законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации.

5. Положение Конституции Республики Адыгея, согласно которому в ведении Республики Адыгея находится установление отношений собственности на природные ресурсы (пункт "м" статьи 53); положение Конституции Республики Башкортостан, согласно которому земля, недра, природные богатства, другие ресурсы на территории Республики Башкортостан являются достоянием (собственностью) ее многонационального народа (часть первая статьи 10); положение Конституции Республики Ингушетия, согласно которому земля, ее недра, другие природные ресурсы на территории Республики Ингушетия являются ее собственностью (часть первая статьи 10), поскольку названные положения, закрепляя собственность республики на природные ресурсы, а также относя к ведению республики (а не к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации) установление отношений собственности на природные ресурсы, ограничивают тем самым суверенитет Российской Федерации и нарушают установленное Конституцией Российской Федерации разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, утрачивают силу и не подлежат применению судами, другими органами и должностными лицами как не соответствующие Конституции Российской Федерации, ее статьям 4 (части 1 и 2), 9, 15 (часть 1), 36, 72 (пункты "в", "г" части 1) и 76 (части 2 и 5). Положение Конституции Республики Адыгея о том, что в ведении Республики Адыгея находится установление порядка владения, пользования и распоряжения землей, недрами, лесами и водами, охрана окружающей среды (пункт "м" статьи 53); положения Конституции Республики Башкортостан, согласно которым вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, природными богатствами, другими ресурсами регулируются законодательством Республики Башкортостан; соглашения с федеральными органами власти Российской Федерации по этим вопросам заключаются на добровольной основе (части вторая и третья статьи 10); положение Конституции Республики Ингушетия, согласно которому земельные отношения в Ингушетии регулируются республиканским законодательством (часть третья статьи 10); положение Конституции Республики Коми, согласно которому земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности в порядке и на условиях, предусмотренных законами Республики Коми (часть вторая статьи 13); положения Конституции Республики Северная Осетия - Алания, согласно которым земля и другие природные ресурсы могут находиться в государственной, муниципальной, коллективной и иных формах собственности в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством Республики Северная Осетия - Алания (часть 2 статьи 10); граждане и их объединения вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей, ее недрами и другими природными ресурсами в соответствии с законом Республики Северная Осетия - Алания (статья 36), поскольку названные положения, относя к ведению республики (а не к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации) земельное законодательство, определение порядка и условий владения, пользования и распоряжения землей, недрами, лесами, водами и другими природными ресурсами, охрану окружающей среды, нарушают установленное Конституцией Российской Федерации разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти

субъектов Российской Федерации, утрачивают силу и не подлежат применению судами, другими органами и должностными лицами как не соответствующие Конституции Российской Федерации, ее статьям 72 (пункты "в", "д", "к" части 1) и 76 (части 2 и 5).

При этом с Российской Федерации и субъектов Российской Федерации не снимается вытекающая из статей 9, 72 (пункты "в", "д" части 1) и 76 (часть 2) Конституции Российской Федерации обязанность в установленном федеральным законом порядке гарантировать использование и обеспечивать охрану земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

6. Положения нормативных актов Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан, основанные на положениях, которые настоящим Определением как не соответствующие Конституции Российской Федерации признаны утрачивающими силу и не подлежащими применению, либо воспроизводящие их или содержащие такие же положения, также не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами и подлежат отмене в установленном порядке.

7. Дальнейшее производство по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан прекратить.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно, не подлежит обжалованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

9. Настоящее Определение подлежит опубликованию в "Собрании законодательства Российской Федерации", "Российской газете", официальных изданиях органов государственной власти Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания, Республики Татарстан, а также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 92-О